РАССКАЗЫВАЕТ АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ, ВОДИТЕЛЬ САНИТАРНОЙ МАШИНЫ ХОВАРД НИКСОН (Howard E. Nixon, 1923-2001)

Двое моих братьев и я пошли в армию. Харлан отправился в штат Миссури и стал сержантом учебной части, в итоге он был послан на Тихий Океан – на Гуам. Мой брат Билли сначала отправился в Оклахому, а оттуда в Италию, где служил артиллерийским наблюдателем. Я и мой друг Лео Стром были призваны в январе 1943 г. Мы попали в учебный лагерь Форт Кастер в штате Мичиган (Fort Custer), где прошли медосмотр. Там же нас постригли наголо. В Кастере мы пробыли недолго. Лео и я хотели служить вместе, но это не сработало. Как-то Лео отрабатывал свой наряд на кухне, а меня в тот момент взяли и отправили в другое место, не дав попрощаться с ним. Увиделись мы только после войны. Я попал в лагерь Грант (Camp Grant) в штате Иллинойс, где начал курс обучения на санитара. Мы учились перевязывать раны, накладывать шины, делать уколы морфия и т.д. Было много марш-бросков – 5, 10, 15 и 25 миль. При этом мы таскали выкладку весом 25 фунтов (11.3 кг). Многие страдали от мозолей, некоторые просто падали, впервые почувствовав боль.

Было удивительно наблюдать, как много ребят оказалось в плохой физической форме. В этом лагере мы провели около двух месяцев, после чего я попал в санитарную автороту, находившуюся в штате Алабама (лагерь Ракер/Camp Rucker). Я начал учиться на водителя санитарного фургона. Научился менять масло, смазывать, вообще обслуживать машину. Во время обучения все должно было быть сделано идеально. Койки прибраны идеально, одеяла заправлены так туго, чтобы от них отскакивала брошенная на одеяло 25-центовая монета, сундучки [для хранения личных вещей] выстроены в линию. Мы были обязаны чисто бриться, обувь должна была сиять, форма отутюжена. Находясь в наряде на кухне, мы отскребали дочиста столы и выравнивали кружки, миски и все остальное по веревочке. В Алабаме мы также прошли курс преодоления препятствий. Было лазанье по канату, ползанье по трубам и в поле с пулеметной стрельбой поверх голов. Мы учились окапываться и собирать палатку из двух половинок: каждый из нас имел в боевой выкладке половину палатки. Во время учений мы учились быстро ставить лагерь и быстро его сворачивать. Занятий было множество: плавание, борьба и бокс. У нас был старший сержант (Master Sgt.) по имени Уитэкер (Whitacker). Крутой малый. Но был еще один парень – Чарлз Кортни (Charles Courtney), которого мы прозвали Джон Диэр (John Deer), поскольку он был из фермеров (по названию крупнейшей фирмы-производителя сельскохозяйственной техники *John Deer*). Так эти двое повздорили крепко, надели боксерские перчатки и устроили бой, при этом Уитэкер не смог одолеть Джона Диэра.

Нам также приходилось проходить ускоренные медосмотры. Мы выстраивались вдоль казарм голышом. Было бы лучше, если бы парни стояли в одной стороне, а девушки в другой, но это не практиковалось. У нас искали вшей, признаки сифилиса или гонореи и все такое. У некоторых находили, потому что были парни, баловавшиеся в увольнительных. Наступил момент, когда нам сказали, что нас отправляют за океан. Когда мы уже были готовы к отправке, двое парней сделали что-то такое или съели что-то такое, от чего им стало плохо. Их так и не отправили с нами. Вот дурачье…

Из Алабамы в конце декабря мы отправились в лагерь Килмер/Camp Kilmer, где провели около недели. К этому моменту мы уже официально назывались 575-я Санитарная Авторота (575 Ambulance Motor Co.) Это название было с нами всю войну. В роте была пара парней, которых звали Дилашович (Dilashowich) и Шрайбер (Shriber). Один был итальянцем, другой евреем – ну и парочка. Оба были заядлыми игроками и всегда попадали в какие-то истории. В конце концов, когда мы уже были в Европе, их перевели в пехоту. Однако те, кто сменил их, были ненамного лучше… В лагере Килмер мы провели еще неделю, после чего пришел приказ грузиться на транспортное судно. Это была *Aquitania* – старая английская посудина. На этом судне отец Бетти (невеста Ховарда Никсона) вернулся домой после ПМВ. Итак, с собой у нас были наши сумки и все, что в них

поместилось. Котелок, ложка, бритвенный набор, одежда и библия, которую мне прислала сестра.

Мы были в пути 9 дней. Очень многие страдали от морской болезни. Парни просто не могли подняться с коек, но меня это не коснулось. Большую часть времени я проводил на палубе, на свежем воздухе. Вообще, все был заблевано. Даже в туалете парни просто валялись на полу. Чтобы подойти к писсуару, приходилось перешагивать через них. В столовой пол был скользким из-за пролитого кофе и разбросанной еды и т.п. … Многие ребята резались в карты всю дорогу. В итоге, мы добрались до места назначения в Шотландии, носившее название Ферт-оф-Форт/The Firth of Fourth.

Через какое-то время мы получили наши новые санитарные фургоны. Мой был абсолютно новым – с приводом на оба моста, что мне потом пригодилось. Это был *Dodge Power Wagon*. Номер моего фургона был 19, позднее я написал на нем *Cadillac*.

Санитарный фургон Dodge WC-54 армии США

В роте было три взвода, я оказался в 1-м. Всего было около 20 машин, за которыми мы сами присматривали. На каждой машине был запас топлива – две канистры по 5 галлонов (*примерно 22.5 л*). Мы поездили по английским сельским просторам, держась левой стороны дороги. Сначала мы базировались в Реддинге/Redding, затем в Кингвуд Коммонс/Kingwood Commons. Жили мы в больших палатках по 8 человек в каждой, спали на раскладушках. Было не так уж холодно, кроме того, у нас были печки на угле. Кормили нас отлично – картофельное пюре, курица, соусы и пр. Пару раз мы даже ходили на танцы.

Каждую ночь случались налеты немецких бомбардировщиков. Дрожали стекла, тряслась земля. Иногда мы спускались в бомбоубежища. В них мы встречали самых разных людей – и солдат, и пожилых женщин. Кто-то читал, кто-то вязал, некоторые ходили взад-вперед. Некоторые сидели спокойно, многие курили.

Как-то раз появились какие-то девчонки и установили неподалеку от нас палатки. Я было заинтересовался, зачем были нужны палатки, и вскоре узнал: к палаткам начали выстраиваться очереди из парней, и эти очереди становились все длиннее и длиннее. Тогда появился полковник, сообразил, в чем тут дело, и эта эпопея закончилась. Затем нас отправили за город, ближе к Проливу, где мы провели несколько дней. Там мы получили новые фургоны (мой наездил к тому времени всего 5 миль). Мы покрыли все, что могли, водонепроницаемой смазкой: свечи, аккумулятор, крышку распределителя зажигания и пр., запечатали смазкой двери и окна за исключением окна рядом с водительским сидением. Затем мы подсоединили гибкую трубу к выхлопной трубе таким образом, что она теперь торчала на полтора метра выше крыши. Вскоре нам предстояло узнать, зачем это было сделано.

У каждого был друг, и я близко подружился с Джоу Робинсоном из Индианы (Joe Robinson). Он был высоким парнем, я намного ниже его, но у нас было много общего: мы выросли на фермах и были воспитаны в христианской традиции.

Ховард Никсон (слева) со своим товарищем Джоу Робинсоном

Утром 6 июня 1944 г. я проснулся рано от страшного рева. Выглянув наружу, я увидел в небе множество самолетов – тысячи машин, направлявшихся в сторону Франции. Прошло немного времени, и мы услышали грохот взрывов на расстоянии более 20 миль. Вторжение началось… Через несколько дней мы услышали: «Парни, мы выступаем.» мы направились к докам Саутхэмптона, где наши фургоны были погружены на транспортные суда. В фургоне было два откидных сидения по обе стороны – длинное и покороче. Мы могли погрузить в него четверых лежачих и десять ходячих раненых, либо же двоих лежачих и пятерых ходячих. Мой фургон погрузили около 10 утра. Его подняли с помощью сетки и начали перемещать, но тут один англичанин сказал: «Время пить чай». они остановили подъемник и оставили фургон болтаться в воздухе на полпути к транспорту. Так он и провисел, пока они не выпили свой чай. Я подумал, что для военного времени это странновато…

Транспорт тронулся в путь. Нас покачивало, но не слишком сильно. Все сидели тихо, полагаю, погрузившись в размышления. Мы приблизились к берегу, и Джоу сказал: «Что ж, Ник, мы прибываем во Францию.» И тут я понял – началось. По-настоящему. Это был пляж *Омаха*. Трупы с берега уже убрали. Настал момент выгрузки, носовая аппарель опустилась. Мой напарник заполз в окно рядом с водительским сидением, я последовал за ним и запечатал его смазкой изнутри. Затем я тронулся вперед, в воду. Мы ушли под воду полностью и так проехали около 75 ярдов. Немолодой парень из Арканзаса, повар, сидевший рядом со мной, приговаривал: «Гони ее, Ник, давай!» И машина не подвела. Я включил оба моста и выбрался из воды на пляж. Мы поднялись по склону и въехали в яблоневый сад, затем выбрались из машины и соскребли смазку со свечей, с аккумулятора, с дверей и окон, отодрали временную выхлопную трубу и выкинули ее. Некоторые санитарные фургоны загорелись из-за замыканий в аккумуляторе, но у нас проблем не было.

Я оглянулся, и меня пробрало холодком. Вокруг валялись продырявленные каски, сержантские нашивки, какая-то одежда и прочий мусор войны. Оказывается, сержанты срывали свои нашивки, потому что немцы старались, прежде всего, стрелять по ним. Мы провели ночь ярдах в 300 от пляжа. Ну и ночка была! Нас обстреливала артиллерия, бомбили самолеты. Фургон сотрясало. В фургоне было два откидных сидения – подлиннее и покороче. Хенри Кинг спал на длинном и храпел всю ночь. Он вообще ничего не слышал. Я лежал на коротком и, думаю, вообще глаз не сомкнул. Мне было страшно даже выбраться из машины и залечь под ней: я просто не мог сдвинуться с места.

На следующий день мы тронулись в путь и добрались до линии фронта в районе городка Сен-Мер-Эгли́з/St. Mère Eglise. Там находились 29-я и 4-я дивизии. Мы были в составе 1-й Армии, которой на протяжении всей войны командовали Омар Брэдли (Omar Bradley) и

Кортни Ходжес (Courtney Hodges). Мы начали подбирать раненых и отвозить их в тыл. В машину помещались четверо носилок или пара носилок и 5 ходячих раненых. Можно было поместить и 10 ходячих без носилок. Времени на сон у нас почти не оставалось, казалось, мы были на ногах весь день и всю ночь. Во вторую ночь мы остановились, к нам подъехал какой-то капитан и шепотом сказал: «Уезжайте.» Мы потихоньку убрались в тыл в полной темноте, опять забили машину ранеными и с трудом нашли наш стационарный госпиталь. Добравшись до госпиталя, мы все еще видели в темноте вспышки орудийных выстрелов и гул снарядов. Вспышки были видны по обе стороны от нас. Фронт был недалеко, и опять мы день и ночь подбирали раненых и возвращались назад.

Живые изгороди в Нормандии были трудным препятствием. Они окружали поля площадью от двух до пяти акров или типа того. Мощные изгороди – сначала канава, потом земляная грива и заросли на ней. Немцы использовали их как укрытия. Минометы, 88-миллиметровки, малокалиберные пушки, которые было легко перемещать – все это несло смерть. В конце концов, после нескольких недель боев, немцы были вынуждены отступить, чтобы потом закрепиться еще раз на таком же трудном для нас рубеже. Немцы остановили нас под Сен-Ло/St. Lô. 11 дней тяжелых боев ушли на то, чтобы одолеть их. Гордон Хант (Gordon Hunt), мой кузен, сражался здесь в составе 29-й Дивизии и погиб. Здесь же воевала 28-я Дивизия. Во время боев за Сен-Ло мы оказались в одном месте, где все вокруг было усеяно трупами, и среди них была убитая женщина с красивым перстнем на руке. Один из наших парней остановился и снял с ее руки кольцо. Может, он послал его домой своей подруге… Я бы не стал этого делать. Мы продвигались к линии фронта между трупами. Мертвецы в придорожных кюветах, в полях, в окопах. С ними вперемешку валялись трупы коров и лошадей. Раненых было столько, что мы просто не успевали эвакуировать их. Полевой госпиталь был забит до отказа. Хирурги и медсестры сбивались с ног, но не справлялись с этим потоком. 28-я Дивизия понесла такие потери, что ее пришлось отвести в тыл и заменить другой частью.

На нашем участке фронта было 10 или 12 санитарных фургонов. Как-то я подобрал умиравшего капитана. Привезя его в госпиталь, я подошел к хирургу и сказал: «Сделайте что-нибудь для него сейчас, или он вот-вот умрет!» Вытащил его из машины. Не так легко видеть, как человек умирает. Он вдыхает воздух все менее и менее глубоко, паузы между вдохами становятся все длиннее. Ты сделал для него все, что мог. У некоторых на устах были проклятья, у некоторых молитвы. Большинство лежало тихо. Самое страшное – ранение в живот. Тогда боль пронизывает человека на каждом ухабе…

И эта грязь… Дороги были разбиты тяжелой техникой, в основном, танками. Я подключал второй мост и все равно еле полз: это были сплошные колдобины. Временами было трудно сориентироваться. Карт не было, никаких знаков. Мы часто перемещались ночью и не могли понять, где мы и куда везти раненых. Бывало, солдаты говорили нам: «Парни, как вы вообще это сделали?»

Под Сен-Ло мы были под обстрелом день и ночь. Трупы уже начали разлагаться и смердеть. Город превратили просто в груды щебня. Я никогда не забуду один момент: я продвинулся вперед по проходу, расчищенному бульдозерами, и увидел рыдающую женщину, сидящую на куче обломков и закрывшую лицо руками в отчаянии. От ее дома ничего не осталось, может быть, и от всей ее семьи тоже. Но я не мог остановиться: со мной были раненые. Я хотел был остановиться, подойти к ней, попытаться утешить… Эта сцена осталась со мной навсегда.

Сами мы мало что могли сделать для раненых. Лучшее, что мы могли сделать, это доставить их побыстрее в полевой госпиталь. Если санитар находит раненого достаточно быстро, у него есть шанс выжить. Санитар может остановить кровотечение и дезинфицировать рану. Иногда нам приходилось ослаблять перевязку и делать уколы морфия.

У меня был пистолет – немецкий *Walther P-38*. Мне так и не пришлось им воспользоваться, кроме одного случая. Однажды у меня весь фургон был забит ранеными немцами, и я решил немного пострелять. Мы выгнали немцев из машины, я сделал несколько выстрелов

по каким-то целям, и немцы слегка побледнели. Только тогда я понял: они подумали, что я собрался их расстрелять. Загнал их обратно в машину, они, вроде успокоились. Иногда, когда снаряды и бомбы ложились слишком близко для комфортной езды, мы останавливались, чтобы залечь в кюветах. Ну, я и немцы оказались в одной канаве. Не знаю, чьи снаряды падали рядом, наши или немецкие. Немцы при этом говорили: «*Ja*, это было совсем близко…» Один раненый немец, которого я тащил, сказал мне, что мы сражаемся не на той стороне, что мы должны были сражаться вместе с немцами против русских. Я сказал ему: «Я так не думаю».

Потери в одном боестолкновении от 200-300 до 500 человек были обычными. Каждый день в бой вступали пополнения. Если новичкам удавалось пережить первую неделю и обрести боевой опыт, у них появлялся шанс. Курить ночью, зажечь спичку, выползти из окопчика, чтобы потрепаться с другом – они быстро учились ничего этого не делать на собственных шкурах. В конце концов, сражение за Сен-Ло было выиграно с огромными потерями для обеих сторон. Немцы побежали, но вскоре закрепились на новом рубеже…

Наши санитарное подразделение перемещали вдоль всего фронта, от одной дивизии к другой. Там, где бои были наиболее ожесточенными, там были мы. За всю войну я побывал на участках боев 10 разных дивизий, включая одну французскую.

У Гитлера была сверхэлитная дивизия – *Hitlerjugend*. Эти ребята считали, что они лучше всех остальных. Пленных они не брали, и я не думаю, что мы взяли плен многих из их числа. Но мы, санитары, были обязаны спасать жизни, поэтому мы заботились и об этих парнях. Как-то я вывозил одного эсэсовца. Я должен это рассказать, потому что тот случай – часть жизни на войне. У него была пулевая рана между глаз, но он все еще был жив. Когда я вез его, я услышал, как что-то будто вывалилось откуда-то – это его мозги вытекли на пол фургона. Я остановился, соскреб их лопатой и выкинул из машины, а затем довез немца до перевязочного пункта. Он был все еще жив, но сомневаюсь, что он долго протянул. Еще один немец, которого я вез, был в совсем плохом состоянии, и я не думаю, что он выжил. У меня были какие-то его бумаги, и предполагалось, что я оставлю их вместе с ним на перевязочном пункте, но я очень торопился и забыл сдать их. Они до сих пор хранятся у меня…

Нам приходилось опасаться немецких самолетов, пролетающих над нами на небольшой высоте, на бреющем. Они проскальзывали прямо над кронами деревьев и обстреливали нас из пулеметов. Мы выскакивали из машины и прижимались к земле. Считалось, что они не должны открывать огонь по санитарам, и, в большинстве случаев, так и было, но иногда они стреляли по нам. Один их них едва не зацепил меня. Я вел машину по улице, услышал гул самолета и глянул в зеркало. В нем я увидел самолет, пикирующий на меня и поливающий меня свинцом. Я резко вильнул вправо, в какую-то аллею, и его очереди прошли мимо. Я едва не сковырнул угол какого-то дома, но ушел от беды…

Мы толком не знали, что происходит на фронте и могли судить о чем-то только по своей части. Мы быстро продвигались к Парижу, и по дороге я на 2 или 3 дня потерял свою часть. Я так проголодался, что стал обменивать шоколад и сигареты на яйца и картошку. Была у меня сковородка, ну я вырыл яму, налил в нее бензину, развел огонь и пожарил себе еду. Вообще, рационы «С» были вполне приличными. В них были консервные банки с ветчиной и сыром. Солдаты выбрасывали пустые жестянки, которые застревали в моих шинах, и мне приходилось их буквально отковыривать их. Временами я останавливался в расположении других частей, чтобы поесть. Они не знали, кто я, знали только, что я – санитар, и внимания на меня не обращали. В итоге, я нашел свою часть по дороге на Париж.

Где-то тогда случились бои близ городка Мортен/Mortain – их вела 30-я Дивизия на протяжении 5 дней. Бои шли за какую-то высоту, удерживаемую немцами. Мне приходилось вывозить с поля боя и раненых немцев, и раненых американцев: все были грязными, небритыми, измученными. С одной стороны фургона были наши, с другой – *Gerry* (*одна из кличек немцев, распространенная среди союзников в годы ВМВ, считается, что происходит от слова German*). Они даже не смотрели друг на друга, не говорили вообще ничего. Все были просто довольны тем, что вырвались из ада.

Время от времени то один, то два немца сдавались мне. Так они использовали свой шанс выйти из войны. Как-то раз двое немцев вышли из леса с поднятыми руками и сдались мне, но тут появился майор на джипе, увидел все это и забрал немцев с собой… Мы были уже совсем недалеко от Парижа, когда нас прикрепили ко 2-й Дивизии французов. У них было немало женщин-водителей санитарных машин. Вид у них был грязноватый и неухоженный, и, чтобы оправиться, они просто уходили в кусты. С ними были марокканцы – дикие ребята. Мы рыли для себя окопчики, но они это дело игнорировали. У нашего парня по имени Бруно они спросили: «Для чего ты окапываешься? Ты что, боишься умереть?» Бруно сказал: «Да нет, но я хочу, чтобы это случилось как можно позднее.» Эти парни спали на земле, безо всяких укрытий, или забирались под санитарные машины. А один раз утром я услышал какой-то шум, выглянул из машины и увидел марокканца со штыком в руке, тащившего в нашу сторону за хвост только что убитого теленка…

Мы оказались чуть ли не первыми американцами, вошедшими в Париж. Было это 25 августа 1944 г. Следующими были парни из 28-й Дивизии. Немцы все еще были в городе, и их нужно было выбивать из него. Когда мы въехали в Париж, улицы были полны людей, которых было так много, что наша колонна была вынуждена останавливаться время от времени. Мы проехали через Триумфальную Арку. Когда люди узнавали, что мы – американцы, они просто висли на нас, обнимали нас и целовали. Нам отвели для стоянки парк, окруженный стенами, но некоторые девчонки пробирались туда, чтобы сфотографировать нас или сфотографироваться с нами… В Париже среди нас был один паренек – сын проповедника. Он вообще говорил мало. В Париже какая-то девчонка затащила его в постель, и от этого прекрасного парня ничего не осталось. Он просто слетел с катушек после этого, начал материться и курить. Уже годы спустя я связался с Кеном Вебером (Ken Weber) из Индианы, и он рассказал мне, что тот парень вернулся домой после войны и постучал в дверь родительского дома с сигарой в зубах. Угадайте, что произошло потом - его отец не пустил его в дом, сказав: «Ни один из моих сыновей не войдет в этот дом с сигарой во рту.» Что было дальше, я не знаю…

В одну из ночей мы совершали объезд на нашем фургоне, и в дом сразу позади нас попала бомба. Дом просто разнесло вдребезги. Какое-то время немцы сопротивлялись, и всю неделю, что мы пробыли в Париже, продолжались бои. Из Парижа мы отправились в сторону Вердена. Здесь только что закончились бои, повсюду были трупы лошадей, коров и овец. Было видно, что, немцы отрезали от убитых лошадей куски и пускали их в пищу… Бои не прекращались. Одной холодной дождливой ночью мы тронулись в сторону линии фронта. Я был настолько измотан, что засыпáл за рулем. Наша колонна остановилась на минуту. Я заснул, потом очнулся, и мне показалось, что меня оставили одного. Включил скорость, газанул и врезался в фургон Уэйна Скотта (Wayne Scott). Смотрю, выходит: «Ты что творишь?» А что я мог сказать? Вмятину в корпусе его фургона мы выправили кувалдой, так что двери снова можно было закрывать и запирать.

Некоторые парни доходили до такого состояния, что уже ничего не могли. Один сказал: «Я больше не могу это выносить. Я не пойду на передовую.» Лейтенант схватил его за воротник и сказал: «Пойдешь. Ты должен, по-другому быть не может.» Тот парень вернулся на передовую и погиб… У некоторых проявили себя контузии или стрессовые расстройства *(battle fatigue)*. Они выглядели, как зомби. Вот стоит человек и смотрит, уставившись куда-то. Таких приходилось уводить за руку: они были просто отключены от реальности. Не знаю, возвращались ли они в строй. Вообще, некоторые раненые после выздоровления возвращались в свои подразделения.

… Мы приближались к Аахену и *Линии Зигфрида*. Это были ряды бетонных надолбов, которые должны были остановить танки и технику, но это не сработало. Саперы взрывали проходы, которые бульдозеры расчищали. Мы подошли к Аахену с юга, за город были бои, тяжелые бои, которые дорого обошлись обоим сторонам. От города ничего не осталось, кроме одного-единственного собора. От Аахена мы двинулись в сторону Хюртгенвальда/Hürtgenwald – покрытую в основном густыми сосновыми лесами местность. Когда мы были в дороге, ночи были облачными и чертовски темными. Мы видели только немного света между кронами деревьев, и мой второй номер, сержант Пэджет (Padget) сидел на крыле машины и говорил мне: «Бери левей. Бери правей.» Дорога была

заминирована, саперы, вроде, очистили ее от мин, и мы добрались до точки назначения. Один из джипов на этой дороге подорвался. Дело было в октябре, становилось холоднее. В этих местах шли бои, или, можно сказать, сражение [за Хюртгенвальд] продолжалось все время. Теперь немцы закрепились в Люксембурге и на территории Бельгии. Я сновал между фронтом и тылом и даже добирался до Бастони. В ноябре-декабре пошли дожди, которые сменили снегопады. Дороги совсем раскисли. Парни, сидевшие в окопах, были мокрыми с ног до головы.

Ну а немцы, которых я видел, казалось, были либо 15-17-летними пареньками, либо мужчинами от 40 и старше. Сдаваться они не собирались, они теперь защищали свою землю. Наши самолеты пытались бомбить их позиции, но облачная погода мешала этому. Наши линии снабжения сильно растянулись, грузы к линии фронта приходилось подвозить издалека. Их везли конвои, которые мы называли *Red Ball Express*. Они состояли из 2.5-тонных грузовиков. Большинство водителей были черными. Я просто содрогался от мысли о том, что с ними придется встретиться на дороге, особенно ночью. Они ехали по середине дороги, и просто могли сбросить твою машину в кювет. Наилучшим решением было съехать, по возможности, на обочину и пропустить их…

Итак, линия фронта проходила через Арденны. Бензина не хватало. Американцы остановились в ожидании подкреплений. В декабре нас перебросили в Мальмеди, практически, на границу Германии и Бельгии. Мы были прикреплены ко 2-й Дивизии и стояли в поле в стороне от этого городка. Лагерь был на холме, где-то в паре километров от линии фронта. Ничего особенного не происходило, время от времени мы отвозили раненого в Мальмеди, в госпиталь.

15 декабря в 10 вечера разверзся ад. Артиллерия открыла огонь по обе стороны фронта: 150-миллиметровки, гаубицы, реактивные минометы, 88-миллиметровки. Мы оказались где-то посредине всего этого… Вот один снаряд угодил в стоящий недалеко от нас грузовик, который сразу же сгорел. Я стал думать о доме, вспоминал, как возил сено, копал картошку, заполнял силосную яму, чинил ограду, присматривал за коровами, доил их или делал еще что-то. Артобстрел продолжался. «С меня хватит, - подумал я. – Больше не могу все это выносить. Меня не зацепило на плацдарме в Нормандии, миновал огонь из-за живых изгородей, все обошлось для хорошо меня под Сен-Ло, в Париже, в Хюртгенском Лесу и под Аахеном, а теперь вот это…» Из моих глаз лились слезы, и я начал молиться. Вытащил из вещмешка библию, которая уже слегка обтрепалась, и спросил себя: «Что я буду читать?» Раскрыл ее в первом попавшемся месте и наткнулся на Псалмы. Подумал: «Что здесь написано?» и увидел строку: «Тысяча падет слева от тебя, 10 000 справа, но тебя смерть минует.» Я почувствовал облегчение и даже немного поспал… Мы спали рядом с Пэппи Пэйденом (Pappy Paden) в ту ночь, а на другой день, 16 декабря, он погиб вместе со многими другими парнями из нашей части. Артобстрел продолжался всю ночь, а утром мы увидели проходившие мимо нас в полном беспорядке колонны пехотинцев. Они говорили нам: «Там, на передовой, слишком горячо.» Ну и мы свалили из своего лагеря так быстро, как только смогли.

Немцы прорвали фронт. Я остановился у штаба, было очевидно, что в штабе не имели понятия обо всем этом. Я получил следующий приказ: эвакуировать полевой госпиталь, расположившийся в старом школьном здании на вершине холма. Я помчался туда, на окраину Мальмеди/Malmedy, и уже было собрался загрузить в свой фургон раненых, когда Бёрни (Burney) сказал мне: «Ник, я заберу их.» Я упирал на то, что сейчас моя очередь, но он настоял на своем. Он попал вместе ранеными в плен и был расстрелян в бойне на окраине Мальмеди. На его месте мог оказаться я, если бы взялся грузить раненых. Я часто думаю об этом… Но тогда, как только я уехал, еще двое парней из нашей части - Билл Шапп (Bill Schupp) и Билл Частин (Bill Chasteen) заехали в полевой госпиталь и там попали в плен.

Когда я вернулся в штаб, мне показалось, что капитан, его фамилия была Дензел (Denzel), уже многое понял из происходящего - он был в страшной спешке. Не было никаких салютов и приветствий. Он сказал: «Заправь машину и вали отсюда побыстрее. Встретимся в городке Юи/Huy» (около 20 миль к западу). Я, разумеется, не стал спорить. Уехал, проехал

через Мальмеди, и на развилке дорог увидел парня из *М.Р.* (*Military Police – Военная Полиция*), регулировавшего движение транспорта. Подумал: «Какого черта здесь делает *М.Р.* в такое время?» Полицейский направил меня влево от перекрестка. Мы проехали какое-то расстояние по проселкам и уткнулись в колонну пехоты, преодолевавшую подъем по склону холма. Кен Вебер сказал тогда: «Давай-ка лучше развернемся», да и я так подумал. Я вернулся на то место, откуда мы тронулись в путь – мимо парня из *М.Р.* – и поехали по другой дороге. И правильно сделали! Еще ярдов 300 в обратном направлении, и мы попали бы в руки к немцам. *М.Р.* были немцами, одетыми в американскую форму! Эти парни переставляли дорожные указатели и всеми способами вносили хаос в обстановку. Кажется, того немца потом поймали и расстреляли…

На окраине Мальмеди немцы собрали около 140 американских военнопленных. Там были ребята из моего подразделения: Берни, Андерсон, Монк Маккинни, Скотт, Сэмюэл Доббинс (Burney, Anderson, Monk McKinney, Scott, Samuel Dobbins) и другие. Немцы открыли по нем огонь из пулеметов и скосили большинство военнопленных. Все еще живых добивали из пистолетов. Доббинс и Андерсон притворились мертвыми, пролежали в снегу и грязи до ночи и потом уползли. Сэмюэл Доббинс, которому посчастливилось выбраться из этой бойни живым, потом стал свидетелем на Нюрнбергском Процессе. Я был где-то неподалеку от Мальмеди на следующий день. Когда я заправлял машину, Джоу Робинсон рассказал мне о случившемся и о том, кто из наших погиб там. Мне стало дурно. Помню, что продолжался артобстрел, и в мою машину попадали камни и осколки.

Ховард Никсон и его санитарный фургон

Переодетые немцы создали атмосферу хаоса и паники. Никто толком не знал, что происходит. Небольшие группы американцев продолжали сражаться, не имея понятия о том, что делать дальше. Когда немцы захватили полевой госпиталь, в плен к ним попали Шапп и Частин. Однако они не следили за пленными слишком пристально, и парни сумели прокрасться к своей машине и скатиться вниз с холма. По дороге в тыл они наткнулись на полковника в полугусеничном бронетранспортере и рассказали ему о захвате немцами госпиталя. Полковник со своими солдатами, Шапп и Частин неожиданно объявились в расположении госпиталя, взяли несколько немцев плен и освободили группу наших парней. Шапп и Частин получили за это по Серебряной Звезде.

Мы остановили немцев и погнали их назад. Я заметил, что немцы стали и моложе, и старше. В *SS* было много подростков возрастом 15-17 лет. Молодые парни Гитлера с промытыми мозгами. Те, кто постарше, были за 40. Некоторые из людей постарше уже не хотели воевать… Понемногу мы согнали немцев с территории, которую пришлось оставить в ходе отступления. Повсюду были трупы – там, где гибли солдаты, и немцы, и американцы – их каски торчали из-под снега. Ну и вид… Смерзшиеся трупы забрасывали в 2.5-тонные

грузовики, как дрова. Становилось все холоднее. Мы были неподалеку от гряды Эльзенборн/Elsenborn, где шли упорные бои. У моей машины лопнула пружина подвески. Мне подвезли новую и сказали: «Получи.» Никто не помог, и мне пришлось менять пружину самому, лежа на холодном снегу. Укрыться от мороза было негде: мы ели под открытым небом, и сироп замерзал прямо на блинчиках. Кофе был холодным. Наша обувь не годилась для такой погоды: просто башмаки, если повезло, еще и *overshoes (можно перевести как «боты» - есть описания резиновых, войлочных и брезентовых элементов снаряжения подобного рода, их одевали поверх обычных башмаков – ВК)*. У очень многих были обморожены ноги. Бывало, кому-то ампутировали ногу, а то и обе. Ну а я имел, по меньшей мере, возможность отогреться в машине. Нам было необходимо держать ампулы с морфином теплыми, и большинство санитаров отогревали их под брюками или под мышками. Это касалось и кровяной плазмы. Один из санитаров клал емкость на мотор джипа, и, даже когда стоял, включал его каждые полчаса. Однажды он заснул, мотор заглох, и плазма замерзла – и такое бывало…

После побоища у Мальмеди наши нечасто брали пленных. Слухи распространялись быстро, многим эта история ударила в голову. Мы нередко натыкались на группы из 5-6 убитых немцев, и я знал, что с ними случилось. Так было, и немцам приходилось платить за все по полной… К концу марта мы заняли плацдарм на правом берегу Рейна. Мы перемещались вдоль линии фронта с разными частями, три или четыре машины были неизвестно где. Нас всех разбросало. Война заканчивалась, но молодые эсэсовцы не потеряли волю к сопротивлению. Они сражались небольшими группами на разных участках фронта. Ничего не оставалось делать, кроме как уничтожать их. Люди постарше видели, что борьба потеряла смысл, и многие сдавались в плен. Они старались сдаться американцам, но явно не хотели попасть к русским.

К 6 апреля, когда мне исполнилось 22 года, мы прошли половину Германии. Мы освобождали концлагеря, насмотрелись там всего. Те, кто выжил, еле двигались – настолько они были истощены… Немцы стали сдаваться толпами. Они тысячами выходили из лесов с поднятыми руками. В основном, это были молодые ребята и пожилые люди. В наш тыл потянулись длинные колонны военнопленных, но Гитлер все еще отказывался капитулировать… Когда немцы брали наших парней в плен, они отбирали у них башмаки, часть одежды, все ценное, но я только один раз отобрал что-то у пленного немца – это были наручные часы. Французские часы, которые он сам отобрал у француза когда-то. Потом я обнаружил, что для заводки им нужен ключ, и выбросил их.

В конце концов, 7 мая мы встретились с русскими и пожали им руки. Это были мрачноватые ребята. 8 мая война закончилась. К тому моменту мы дошли до Пльзеня/Pilzen в Чехословакии. Дальше нас не пустили русские, установив блок-посты. После этого мы стали ждать отправки домой, хотя поговаривали, что нас отправят воевать с японцами. Потом была атомная бомба… Перед возвращением домой я попрощался со своим фургоном: когда я получал его, на счетчике было 5 миль, а всего за год я я намотал на нем 20 000…

Санитары в Париже: слева направо - стоят – Лоренс Кинг (Lawrence King), Олли Бектон (Ollie P. Becton), сидят: Билл Частин (Bill Chasteen), Ховард Никсон (Howard Nixon)

http://www.battleofthebulgememories.be/stories26/32-battle-of-the-bulge-us-army/111-an-ambulance-drivers-experiences-in-wwii.html

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org